

1.19 О собирании человека пред образом, о человеческом соборе вокруг образа и внутри его

Растекаемся в обыденности, само-забвенно растворяемся в текучей, тягучей жизни, распадаясь на составные части, словно бы лирический герой Достоевского на нарах - разлагаемся в узилище обстоятельств, распадается на части, на отдельно существующие и чахнувшие врозь человеческие составы. Части некогда, искони - целого: дух, душа, тело... не ладят одна с другой. Великий подвижнический труд над-лежит падшему человеку, путь усердного старания, длительного деятельного движения всей христианской жизни, движения – подвига в уподоблении Христу, – в собирании человека воедино, в целокупное, мудрое, со-стояние частей. Плод этого подвига – движения, этого тяжкого труда, - целостное мудрование, уцеломудривание всего человека во Христе. Не мало сказано об этом, не мало сделано предшествующими и, быть может, неведомо сопутствующими нам практиками личного целомудрия. Каждый из право-славящих должен бы являть собою такого уподобляющегося Богу праведника... Должен бы... Распадаемся на части, растекаемся составами... Смерть физическая, когда брение наше – плоть вновь становится землёю, взятое от земли изыдет в своё, - только завершение некоего отрезка пути человеческого со-бытия с вечностью, на котором мы так и не смогли собрать себя. Прежде смерти – распадается на составы: душа, тело, дух –, разбалансированные, противоестественно - существуют почти от-делёнными друг от друга и вникают, простираются и протекают в землю, пожираемые червями собственных грехов, собственного отвращения от Бога. Собрать себя, вос-соединить, уцеломудрить личность – вот истинное предназначение Богоданным человеческим силам, вот, что должно бы успеть прежде успения личного, за период краткого человеческого бытия, на пороге вступления в

вечность. Вот – единое на потребу, единая цель, вос-питывающая нас – к личному воссоединению перед своим Богом, к утрачиванию, к изживанию раздробления, к оживотворению перед Творцом. В наших ли силах уцеломудрить себя... Желает ли Господь приневолить нас к Себе, у-кротить раз-вращение наших человеческих составов помимо нашего произволения. Таинственен, сугубо индивидуален путь личного пре-подобия для каждого человека в личном взаимоотношении с Богом, в со-действии – синергии воли, усилий, взаимных проникновений. Не исследим, не пред-скажем этот путь, само движение требует как творческого волевого усилия человека, так и кроткого взыскания воли Божией, чуткого распознавания, вос-приятя, смирения, со-образования перед ней своих действий. Представим ли себе человека, себя самого, воссоединённого с Богом, как отвлечённую умственную конструкцию? Станем ли отыскивать некий образец к этому пред-ставлению? Восскорбим ли безнадежно пред очевидной недостижимостью Бога, перед своим неподобием... Восстанем вновь неподобающие и дерзновенные ко Господу, стуча неотступно во врата небесные, да отворят нам. Куда вернее бы делать это – не перед живописным или словесным изображением свершившегося вос-соединения, но пред живым человеком, воссоединившем в себе свои составы, перед живым среди нас подвижником благо-честия. Уцеломудривший себя милостью Божией человек, иерархично целостный в хождении перед Богом явит собою вполне иконописный образ живой святости. Стяжи дух мирен и вокруг тебя... Не обо мне это, не обо мне настоящем. Станем ли искать иного посредника меж собою и Богом, посредника, верного, - не отведёт ли он от Бога – к себе. Не ищите таковых теперь – призывал святитель Игнатий. И в последствии этому святительскому призыву – просияла Русь живым соцветием оптинского старчества, соцветиями сонмов новомучеников, исповедников... И снова дух теплохладный – веет, уныло воет над водами безвидного духовного опустошения вокруг, внутри. Обнадёживаемся малым и неустанно - взыскуем великого. Вновь перед нами образ живой свечи, восставленный перед Богом, вос-становленной, пред-ставшей Богу свечи, озаряющей окружающих и предстоящих Богу. Горящий дух... светящая, распространяющая тепло душа... мягко оплывающее, исчезающее, постепенно иссякающее тёплое тело... Не остынет свеча до самого исхождения своих сил, истечения своих дней, не задует эту свечу случайный сквозняк... Не исчезнет он от неосторожного внешнего прикосновения, от поспешных и суетливых пальцев некоей «свечницы», зачастую так похожих на крючковатые персты безвременной смерти, вырывающей из подсвечника ярко сияющие огарки в полном расцвете сил... Вот и представили для себя – образ живого человека... Изобразим ли в самих себе должное нам воссоединение составов, помыслим ли об этом... Оскуде преподобный. Оскудело дерзновение в нас. Воцаряется теплохладный дух, утверждается в сердечной глыбе окамененное нечувствие. Вестниками ли Господними, зримым ободрением Божьим, явственной помощью нам, унывающим, – образы из былинной были духовного велико-лепия. Пред-станем пред ними и восчувствуем сокрушение глыбищи сердечной, сокрушение, как свидетельство не иссякнувшей жизни в нас, как призыв к опаматыванию от погибельной безнадежности, как отклик из нашей естественной глубины. Из-образим, пред-ставим перед нами Бог – в образе иконописном. Образ утешающий и ободряющий, - являет перед нами Спасителя, дни Его на земле. Образы друзей Господних, окружающих Его, собеседующих с Ним, со-шествующих со след Ему в течение времени земного существования и во временах последующих Вознесению до скончания времён. Образ предвечного Бога, образ Бога конца времён и века будущего. Образы ободряющие, преклоняющие перед собою... образы, восстанавливающие нас, во-

ображающие собою, во-ображающие в себя. А точнее бы сказать: через себя – воображающие в Бога. Остережёмся соблазна - и предстанем. Запросто ли так предстоит – богатеяем Богом через иконы Его – устойчиво сочетание слов: обогащение Богом. Не столь прост путь этого обогащения. Стань перед иконой – и тут Бог... Соверши что-либо пред образом – и тут Он... Да не впадём в соблазн упрощения перед Простотой Истины, не падём, не удалимся соблазном, само-обольщением от Бога живого. Но воспримем образ, как око Господа, невидимо нам глядящего на нас, пре-зирающего над нами. Как это проще почувствовать, воспринять, предстоит перед иконой и богатея образом Божьим. Да не заменим Самого живого Бога личным увлечением в поисках Его, эстетическим любованием. Не заменим Бога – Его образом – не устраним в себе этого предостережения и пред-станем образу. В чём не погрешим точно и выверено не погрешим – в нашем воздаянии чести Богу перед образом. Вос-чувствуем Господа, воз-благодарим Его, воз-молимся к Нему – и довольно будет нашего перед образом устремления, совершенно довольно того. Не станем ревниво и самонадеянно, нагло – понуждать Бога и ожидать отклика на своё чествование от Первообраза, - пре-клоним себя воз-нося почитание. Несомненно – откликнется Бог, - где, когда и как – не ведомо нам, и не пытаемся уведать, но откликнется Он – несомненно вере и до-верию нашему. Преклоним себя и воз-несём почитание не от равного Ему, но от потемневшего, едва мерцающего отблеска – возношением чествования ко Светилу, источнику своему.

Образ, собирающий перед собою человека... образ, собирающий перед собою разделённых, уединённых людей – в человеческий собор... образ, извлекающий человека из уединённости, из ограниченности самим собой... образ, о-пределивающий без-предельным Богом собрание верных. Един Бог и едины мы в Нём, объединяемся, во-ображаясь в Него. Едины, входящие в стремнину, текущую узкими вратами. Едины в соединении, сочленении тела Христовой церкви. Никакого разделения, автономии, атомизации в этом единении, в союзе любви - идеальном образе церкви, - никакой энтропии, никакого само-определивания, само-ограничения, замкнутости собою, зависимости от себя самого. Ни эллина, ни иудея, ни мужского пола, ни женского, - это ведь говорится о пре-бывании в Боге, об утрачивании частности, даже, казалось бы, столь очевидной и непререкаемой, как разделение на пол, национальность, род, семью. Истончаются, исчезают, избываются частности в Боге. Никакого от-единения друг от друга, никакого от-личия во Едином Лице троичного Бога. Единство во Христе не предполагает сущностных от-личий. И, вместе с тем, может ли быть ярче, полнее, могущественнее – раскрыта персональная, особенная личность каждого человека, как в великой цели стяжания Христа Бога. Дихотомично сочленены отнюдь не умозрительные категории, не противоположенные мироощущения, но сущностные и значимые, чрезвычайно важные смыслы - переплетены и взаимно дополняют, вос-полняют друг друга. Предельно возможное развитие личности во-ображённой, само-бытной... и абсолютное исчезновение само-бытия во Христе: «Уже не я живу, но живёт во мне Христос». Сможем ли и мы когда – либо произнести подобное вслед апостолу... Едва ли... конечно же – нет. Сможем ли не желать в себе подобного, - не сможем также. Напрасно и вечно желать в потоке проходящих, истекающих лет? Не напрасно и отнюдь не вечны эти желания. Бог – прикасается к нам, пробуждая в нас жажду Самого Себя, пробуждая желание – приблизиться к Нему, уподобиться Ему, во-образиться в Него, - так прикасается к нам Бог. Прикосновение это распознаем и в образе, восстающем перед нами. Не всегда, раскрывая

образ перед собою - уведываем этот призыв, - можем и не уведать вовсе за всю свою жизнь. Дух дышит призывно, если хочет, - не всегда, совсем не всегда и не по нашему произволению к Нему, не по нашему понуждению Его. Почувствуем ли, распознаем ли это дуновение – прямо в ноздри нам, как мимолётное, не – улавливаемое нами, не усваиваемое, так скоро исчезающее явление, шевелящее наше сердце, тревожащее, утепляющее душу нашу... Радуетесь этому колыханию души, словно бы трепету вздрогнувшего пламенеющего язычка лампы... радуемся несказанно... Тот же образ в иных обстоятельствах видится молчащим и не воздыхающим перед нами. Не наше свойство – видеть его духовными очами. Отверстие духовных очей – не плод делания наших немощных рук. Но бесценный дар этим рукам, воздетым, простёртым, просящим, искренне нуждающимся в этом даре...

Растекаемся в обстоятельствах, удаляемся от Бога, не нуждаемся в образе, - не понуждаем себя к приниканию, проникновению, вос-становлению личного образа... и медленно или ускоренно – гибнем в нарастающем без-образии, в разложении на составы. В обстоящей, пред-лежащей нам плоскости – извиваем отрезок своего пути едва ли осознанно. Рассыпается общность, атомизируется, распадается на части народ, уединяется в частных проблемах, обстоятельствах, в мелочных стяжаниях тлена... Даровано столь многое, а ищем совсем не то. Роемся, копошимся в пыли и не распознаём рыдающих глаз Господних, милостиво вглядывающихся в нас, сквозь образы перед нами. Не ищем и не распознаём образ, пред-ставленный нам, довольствуясь эстетикой внешнего про-явления. Не распознаём следов звёзд, каплющих, оплакивающих нашу беду. Падают эти звёзды – слёзы – да всё мимо нас, мимо наших лиц, ладоней, сердец, мимо наших жизней, мимо... и мы совсем не распознаём их. Прочитываем наши правильные молитвы, уставая помышлять о них и снова растекаемся по времени столь краткому, безнадежно иссякающему пред нами и в нас. Растекаемся друг от друга и нечему объединить отъединённых, уединённых нас, страдающих особенно... нечему скрепить друг с другом. Лишь милость Божья не позволяет развалиться окончательно и безвременно раз-розненному человеческому со-существованию. Долготерпелив Господь и многомилостив... И вновь, и вновь, словно бы из затхлого чулана нашей души – опаматывая – извлекаем молчащий перед нами образ, икону. Сдуваем пыль с изображения, усиливаемся ободрить к восприимчивости душу, затепливаем лампаду... и не ощущаем ничесоже перед ним. Не в нашем ощущении дело... Дух дышит так, как Он пожелает, - вот только бы мы не отвращали лиц от лика, веровали в милость Господню...

Итак, пред нами – образ живописанный, живо-созданный мастером зографом в чистоте, в соприкосновении, в несомненном для нас со-гласии, со-беседовании с Первообразом - с Богом. Человек, во Христе творящий, - запечатлел своё во Христе – пребывание, своё личное видение личного Бога, свидетельство своего о-Божения – запечатлел перед нами, для нас, для нашего по-следования, для наших пред-шественников, для наших по-следователей. Для Бога ли старался мастер? Старался – пред Ним. Пред Ним – ходил, шествовал пред Ним, творя, пред Ним – про-изводил, живо-писал про-изведения живые. Оставил нам их, как свидетельства, как память о личном своём Богообщении, как научение нам, как образец образа, как самого себя, - человека, из-ображающего Бога, представшего образу и во-ображённого.

Растворился по-видимому - в небытии свет на Фаворе. Остался в избранных учениках – памятованием, в-печатлением о пережитом. Не пред-определяло это впечатление светом, это памятование - ничего. Не смог ли? - не возжелал Спаситель вложить в глаза, в души, в сердцевины избранных учеников никакого пред-определения Своим Пре-ображением перед ними. Не пред-определил никого, но оставил Свой отпечаток. Расточился пред очами учеников свет не вечерний, запечатлел апостолов, впечатлил их... и, вероятно, не изменил ничуть. Расточился свет соприкосновения иконописца и Первообраза. Расточился и запечатлел это прикосновение Творца и творящего из-образителя, изографа. Отпечаток – перед нами, след для наследников. Собственно, и есть – наследие наше – этот запечатлённый для нас образ. Как целостный мир, творение Господнее – наследие, Отечество наше, Бог – наш, настолько, насколько мы сами – Его. И – образ пред нами, запечатливший, про-возвестивший, из-образивший эту живую связь, оставивший нам внятный след этой связи, словно бы след стопы Спасителя на Елеоне, словно бы след крестных страданий в об-наруженном древе Креста. След земной жизни Бога во Святой земле... Свет святой жизни на земле родной, что по словам поэта исхожена благословляющим Богом, в рабском виде Царём Небесным.

Образы – пред нами. Станем ли искать иного перед ними, в них иного, кроме Бога, кроме себя перед Ним. Найдём ли Бога в изображениях чуждых Его, пусть и в прекрасных из-ображениях, в фасадах барочных, классических, рокайльных, в изысках модерна... в безумии пост-модерна... Станем ли всерьёз искать Его – там. В отпечатках, за-печатлених на заблудных стезях. Станем ли отыскивать там бога иного, станем ли пытаться распознать Бога своего, сожалеющего, со-страждущего этому заблуждению, противлению Себе, от-вращению от Себя. Вера через слышание слова, но и пред образом из-ображённым – вера - в невидимое. Не об этом ли уверении в не-видимом – заповедь блаженства. Образ словесный, образ из-ображённый, живосозданный, живо-творимый, - не равночестны ли в единочестии Первообраза.

Вера – от слышания... (...вѣра от слѹха, слѹхъ же глаголомъ Божіимъ...) Рим. 10:17. Но вера – не есть конечная цель христианской жизни, лишь некое условие, необходимое и изначальное, дарованное на пути к Цели, - Цель – это Сам Бог и наше спасение Им и в Нём. Следующее, быть может, более зрелое действие обретшего веру человека – творение образа, постижение образа, стяжание образа, как тайноводство на своём пути к Невидимому, Неведомому и Верному нам... Наше – творение образа, уподобление нашего образа Богу и вос-приятие Бога через образ Его в нас и образ Его, открывающийся перед нами. Так, мы допускаем образ в свою жизнь, как следующий шаг на пути к Цели для человека, обретшего свою личную веру, своё личное до-верие и верность – Верному Богу. Для не-верующего человека образ есть нечто несущественное, не существующее, нечто пустое – некое обманное, иллюзорное из-ображение, творение рук искусных и умелых, наученных в обмане, за которым совершенно ничего нет... и потому бесполезное, – глубинно и непримиримо чуждое, не-приемлемое всерьёз, враждебное даже. Тем более враждебен образ неверию, чем тоньше и глубже его связь с Первообразом, чем явственнее и выразительнее свидетельствует он о Неведомом и Непостижимом. Лишь в следствии, во-след обретению веры можно говорить о постижении образа, об образотворчестве, о стяжании проявления Первообраза через образ.- понимаем так. И образ – не Сам Бог, но проявление Первообраза к нашему постижению. И нам вслед за образотворчеством

образо-восприятием – надлежит далее на пути духовного делания – воспринять Самого Бога, вне – образно, сущностно, живо – насколько Он Сам пре-подает нам Себя. И в этом надлежащем действовании образ уже не будет нужен нам. В этом смысле – становится объяснимым реализованная в живописи Феофана некоторая потаённая образа, утаенность от нашего взирания, отсутствие возможности и самой необходимости непосредственного взирания на образ – и достаточность деятельного, молитвенного пребывания внутри его или перед ним, в обаянии символических про-явлений.

Рас-сматривание образа и прилежание к нему... стяжание Первообраза через образ... – не является целью конечной в духовном делании – и мы высказали очевидное - о том, что Цель – это Сам Бог, наше спасение, наше о-Божение Богом по благо-дате Его. Стяжание Духа Святого Божиего – вот цель делания и всей жизни христианина по свидетельству батюшки Серафима, Саровского чудотворца. Следующее за образотворением на пути к Цели – восприимчивость к благо-дате, вос-приимчивость к про-Являющему Себя нам, творческое устремление нашей воли к Творцу, проведение благоговейной жизни в хождении перед Господом... со-средо-точное, благо-приятное и благо-дарное Богу – жительство. Это состояние, о котором совершенно уж не нам судить, возможно, уже не станет человек совершенный нуждаться в образе, отверзать образ пред собою, как необходимость в жизненной действительности... поскольку образ будет неотступно – откровенен перед нами и в нас самих... как знать о том... Господь непрерывно открывающий Себя образами будет вос-приниматься непрерывно неутолимой жаждой к Нему, ненасытимым желанием неотвратимой воли. Быть может, таковы свойства заданного нам пре-подобия. И вправе ли и пре-подобный отказывать себе в восприятии образов, - скорее, навык образотворчества и образо-восприятия – становится нормой существования, свойством пре-подобия, естественным, словно дыхание – состоянием человека, естественным хождением человека в мире перед Богом... когда «внутри вас» - в своих личных глубинах человек обретает Бога и Его проявления повсеместно, не впадая в о-божение природы и пантеизм, когда, по слову Псалмопевца «Взойду ли на небо - Ты там; сойду ли в преисподнюю - и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря,- и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя...» (Пс. 138:8-10). А что же нам, что мне, нынешнему, облагодатствованному чахлой, тепло-хладеющей верой... - возгревание её, молитва о ней. И - усиленное - стяжание образа, творение образа, во-ображение своей собственной жизни, всего своего существа и хождение в образе пред Богом в желании и молитве о со-прикосновении с Первообразом своим пре-умноженным даром – образом Бога в себе, грешном. Тако бы, представляется, надлежит существовать, о-существлять себя из духовного небытия деятельному христианину.

Вера – от слышания... Но могут ли про-явить себя иные пути веры – к нам, в нас... От – видения - образа, когда про-льётся непостижимый Бог Своим про-явлением через образ и воз-глаголет нам в очи красно-речиво раскрывшимся из-ображением Себя. И познаем чувствилища свои – способными – видеть, познаем их и то, что вообще они есть в нас, эти чувствилища. Имеющие глаза – да увидят... И так - раскроется одновременно и равно-значно, будто бы сокровенное глубоко и не существовавшее в нас прежде – свойство к верованию – и едино-временно, равно-значно – как дар нам – свойство наше к вос-приятию Невидимого – и к постижению образа Его. Как знать о путях Господних к нам, удалённым, ожесточённым, отягчённым и без-надежным.

Представляется, что икона, открывшаяся нам – словно бы путеводная соломинка истинному пути к нашему спасительному ковчегу. Множественны обители в доме Отца – и ужели множатся узкие пути. Отнюдь не в мытарствах беспутицы путь истинный, который Сам Христос, собственно Истина и Жизнь, – торная дорога наших предков, наших святых. Дорога исхоженная, намоленная, благодатная, благо-приятная и удобная к прохождению. Можем ли пред образом – ступить на неё. Можем ли пред образом не отступить от упования обрести её. От упования на милость Господню, готовую открыться нам. Образ Божий пред нами – и разыгрывает сердце: жив Господь! И мы пред Ним – живы, – ощущаем это разыграние, как мимолётное единение с Богом, при-открывающимся нам постепенно, по вере нашей. Единение перед образом с ближним, со-путствующим с нами. Мимолётно знание наше и о себе самом, как образе Божьем... Мимолётно и не укоренено наше знание о ближнем, как об образе Бога. Мимолётно знание о ближнем, как воистину ближнем для нас – человеку, коего заповеданно во-Истину, во Христе – возлюбить, словно бы себя, не разделяя с собой во Христе... Едва ли возможно сие вне заповеди первой и наиважнейшей – о любви к Творцу. Возлюбив Его всем помышлением, всем сердцем, всю крепостию – возлюбим и ближнего, распознаем Бога в нём, как и в самом себе, – распознаем. Можно ли полюбить себя, грешного, не возлюбив любящего нас Бога. Что достойно любви в себе, кроме образа Господнего. Можно ли любить ближнего, Бога не возлюбив. Можно ли возлюбить без-образное, не имеющее из-ображения, ничего пред-ставимого перед нами... Возлюбить без-образное... И вот перед нами – образ. Слава мастеру Феофану, проявившему его нам. Прикоснёмся же к этой путеводящей соломинке, ухватимся за неё, утопая в без-образии, в без-образных изображениях теряя себя. Сколь же чисты пред нами из-ображения, изведённые мастером. Как велико-лепен и точен изограф, сколь значимы его начертания, символизм его раскрыши. Сколь, как видится, прозрачен этот образ в обе стороны, сколь высок... Уже ли один только пафос – напыщен в этих словах, выскользнувших сейчас, один лишь чувственно разыгравший славословием язык – изрек эти слова... Или же переполненное сердце готово ответствовать за каждое выскользнувшее слово и свидетельствовать о нелицемерности про-изнесения их. Обманчиво ли наше видение.

Образ – пред нами и мы – перед ним. Со-единимся же, хотя бы в одном только личном уповании на близость нашу, на не-без-различие. Воздадим ему честь от своего нечестия. Образ пред нами – и нужно ли подбирать слова перед ним. Образ пред нами и нужно ли искать чего-либо иного. Образ пред нами и нужно ли наполнять собственные уста ушатом скепсиса – плескать им на бедное, прохладное сердце, смертно выхолаживая его. Нужно ли сдерживать свою отзывчивость. Следует ли возделывать её перед ним. Образ пред нами – и приклонимся ниц в надежде на со-причастность Богу. В рас-познании собственного от-личия от Бога – преклонимся. В тоске о вос-соединении с ним и с ближними, в уповании на эту близость – приклонимся. И даст Господь, непременно даст – веруем со страхом Божиим и трепетом приступая. И се, приступившему – не образ вовсе, но Сам Христос – пре-подаёт Себя в Чаше. Воспримем, вкусим, возрадуемся, вос-соединимся, вос-трепещем, вос-прянем восторженные. Вос-креснем с Ним, непременно вос-креснем, преодолев эту Голгофу сомнений и страстей. Лишь бы только в Ним, лишь бы не отпасть... Образ пред нами и мы – перед Ним. Слава Богу за это дарованное нам взаимное пред-стояние образов, за пред-расположенность, пред-существование, со-бытие нас и образа, приближенного к нам. Слава тебе, отче Феофане, слава вам, досточестные

отцы, досточтимые изографы, про-изведшие, из-образившие нам столь высокие плоды своей жизни. Слава Господу, посетившему и не оставившему их, милостиво не оставляющему нас... Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, показавшему нам свет Свой.

Рас-христанный дух, рас-тленна душа. Раз-венчена плоть...
Гниющая нить бывшего греха сшивает небрежно
Игрушку свою, - се – был – человек, - грустит неутешно
И тлеет слегка ни лёд – ни огонь, ни раб – ни свобода...
По корке земли размазан грехом от неба – ломоть, -
От стати своей, от скипетра – прочь в тоске центробежной.
Распались по швам заблудных путей срамные одежды.
Стыдится узнать мою наготу и плачет Господь.

Последний ли вздох: помилуй, прости... Свой образ – очисти...
И снова, как пёс, блевотину – ем, и снова – блюю...
Когда-то омыт, купаюсь в калу свиньёй досточтимой...
Дождём золотым ложатся вокруг осенние листья,
Как отклик и свет, утешливый дар, – на душу мою,
Всецело – меня вос-кликнувший блик – живой, триединый.